

ТРИКВЕСТРЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ

Целью работы является характеристика триквестров – украшений женских головных уборов скифского времени, распространенных на территории Горного Алтая и Тувы не позднее середины I тыс. до н.э. Значительная их часть происходит из неразграбленных погребений скифского времени на нижней Катунь (Чултуков Лог-1, Барангол-1, -2). Декор триквестров отражает все многообразие образов скифо-сибирской изобразительной традиции. Локализация этих изделий на территории Северного Алтая позволяет рассматривать их в качестве одного из особых признаков предметного комплекса северного локального варианта пазырыкской археологической культуры.

Ключевые слова: головные украшения скифского времени Горного Алтая, скифо-сибирская изобразительная традиция, пазырыкская культура.

Введение

Одной из историко-культурных особенностей традиционного предметного комплекса эпохи раннего железа Южной Сибири являются триквестры. Этот термин ввел А.Д. Грач для характеристики рельефных золотых округлых украшений Тувы (Саглы Бажи II, кург. 3, Дужерлиг Ховузу I, кург. 2), напоминающих кокарду с изображением голов хищных птиц [1980, с. 35, 36]. На нижней Катунь в предметном комплексе курганного могильника Майма IV триквестрами были названы сложные навершия массивных металлических заколок (рис. 1, 3; 2, 3; 3, 1). Они состояли из железного стержня и бронзовой литой основы с зооморфным и солярным орнаментом, покрытой золотой фольгой [Бурькина, 1989, с. 69; Киреев, 1994, с. 41].

По нашему мнению, термин «триквестр» может быть использован для характеристики сложных по конструкции массивных наверший заколок, изготовленных из различных материалов (золото, бронза, железо) и декорированных в скифо-сибирской изобразительной традиции. Композиция может состоять из трех, двух или одного образа, а также солярного вихреобразного орнамента с определенным направлением. Целая серия таких предметов была обнаружена при исследовании погребальных комплексов скифского времени на Северном Алтае (Черный Ануй-3, Покровский Лог-5, Суртайка-1) [Мо-

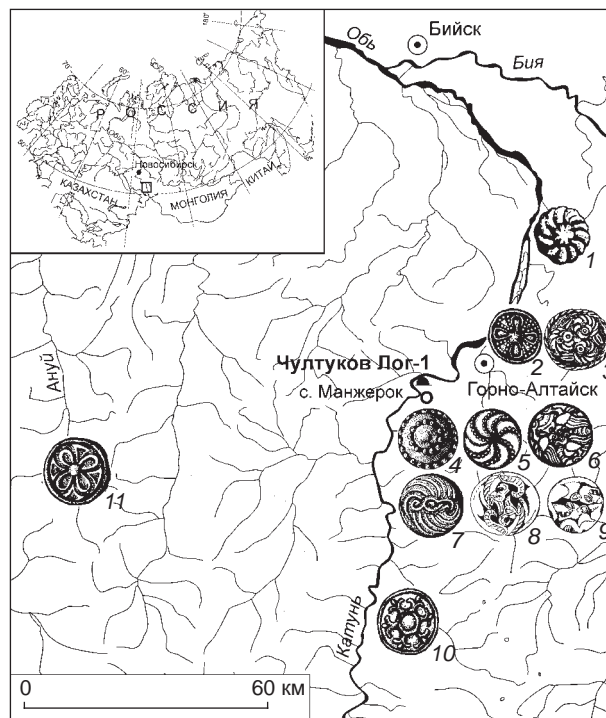

Рис. 1. Распространение триквестров на Северном Алтае. 1 – Суртайка-1; 2 – Майма XIX; 3 – Майма IV; 4–6 – Чултуков Лог-1; 7–9 – Барангол-1, -2; 10 – Верх-Еланда-2; 11 – Черный Ануй-3.

лодин, Бородовский, 1994, с. 24; Гельмель и др., 1996, с. 111, рис. 1, 5; Кирюшин, Степанова, 1999; Абдулганеев, 2005, с. 44, рис. 1, 8; Бородовский и др., 2008, с. 54, рис. 18, 5]. В бассейне нижней и средней Катунь они встречаются в женских захоронениях северного локального варианта пазырыкской археологической культуры вместе с головными уборами-париками, окрашенными в черный цвет [Кубарев, 1987, с. 135; Феномен...,

2000, с. 78, 163–167] (рис. 1). Наиболее репрезентативная коллекция триквестров происходит из курганных групп скифского времени правобережья горной долины нижней Катунь Чултуков Лог-1 (кург. 9, 11, 12, 37, 46, 47), Барангол-1 (кург. 2), -2 (кург. 7).

Погребальные комплексы с триквестрами в горной долине нижней Катунь

В захоронении кург. 13 могильника Майма IV рядом с черепом погребенной найдены остатки головного убора с каркасом из железных стрежней. Судя по сохранившимся под воздействием окисла бронзы фрагментам, головной убор был изготовлен из войлока и имел форму колпака. Один стержень каркаса проходил внутри горизонтально от середины затылочной части к козырьку, к нему крепилась массивная бронзовая бляха, покрытая золотом, с изображением голов трех баранов (рис. 2, 3; 3, 1). Другой стержень вертикально поднимался над козырьком и венчался рифленным навершием, изготовленным из дерева и покрытым золотой фольгой [Акимова и др., 2008, с. 29]. В погребении были также найдены железные шпильки [Бурыкина, 1989, с. 69; Киреев, 1994, с. 41].

В захоронении кург. 1 могильника Барангол-1 четверо погребенных были уложены головой на юго-запад, на правом боку с согнутыми в коленях ногами. Скелет 1 принадлежал мужчине в возрасте 60–65 лет. Сопроводительный инвентарь – плохо сохранившийся железный кинжал длиной ок. 20 см. Скелет 2 (женщины 45–50 лет) располагался справа от первого. В изголовье лежал на боку кувшинообразный керамический сосуд, орнаментированный резной штрихованной сеткой по горловине. Здесь же обнаружены потревоженные бараньи позвонки и железный нож. В изголовье находились расположенные веером три железные стержневые булавки, служившие для закрепления прически. Две из них гвоздевидные, со шляпками, покрытыми золотой фольгой, третья – с фигурным окончанием в виде птицы. На черепе обнаружены две бронзовые проволочные S-образные серьги. Скелет 3, очень плохо сохранившийся во влажном грун-

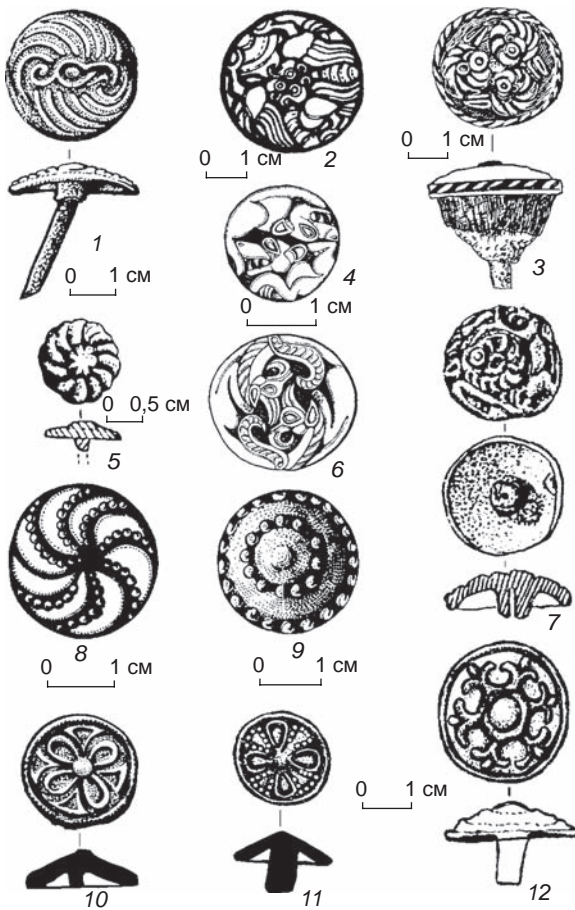

Рис. 2. Триквестры Северного Алтая. 1 – Барангол-2; 2, 8, 9 – Чултуков Лог-1; 3 – Майма IV; 4, 6 – Барангол-1; 5 – Суртайка-1; 7 – Покровский Лог-5; 10 – Черный Ануй-3; 11 – Майма XIX; 12 – Верх-Еланда-2.

Рис. 3. Триквестры Северного Алтая с изображениями баранов (1), грифонов (2), волков (3) и с соляным орнаментом (4).

1 – Майма IV; 2, 3 – Барангол-1; 4 – Чултуков Лог-1.

те, принадлежал ребенку 5–6 лет. В районе черепа найдена пластинчатая круглая бронзовая бляшка плохой сохранности. В изголовье скелета 4 (женщины 18–20 лет), в левом углу могильной ямы, стоял кувшинообразный керамический сосуд, орнаментированный резной сеткой и S-образными завитками по тулову. Недалеко от лицевых костей черепа находились бараньи позвонки и пластинчатый железный нож, возле теменной – каменная терка. На черепе обнаружена бронзовая петельчатая серьга, покрытая золотой фольгой, рядом – пластинчатая дисковидная бронзовая бляшка плохой сохранности. Около правой бедренной кости погребенной лежало массивное медалевидное зеркало в чехле, который, возможно, был расшит четырьмя клыками марала. Рядом обнаружены спекшиеся железные предметы. Под зеркалом находились рифленая подвеска из рогового отростка марала и миниатюрная котловидная подвеска из бронзы, другая такая же располагалась у правой коленной чашки. Под бедренной костью зафиксирован железный предмет очень плохой сохранности (кинжал?).

В кург. 7 могильника Барангол-2 были захоронены три женщины, уложенные в ряд, на правом боку, головой на юго-юго-восток, со слегка согнутыми в коленях ногами. В изголовье каждой погребенной стоял глиняный сосуд. Около центрального кувшина сохранилась длинная бронзовая шпилька с деревянным резным шариком на конце, орнаментированным вертикальными нарезками в виде долек маковой головки.

Скелет 1 находился у восточного края могилы. На костях черепа располагалось массивное бронзовое украшение в виде профильного изображения головы птицы с длинным клювом. Аналогичное изделие известно в раннескифском комплексе Майэмир [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 217, рис. 70, 1]. В области колен погребенной найдены две костяные трубочки плохой сохранности.

Скелет 2 располагался в центре могилы. На черепе сохранились остатки сложного головного убора в виде сажного тлена конических очертаний. По-видимому, этот головной убор аналогичен шапочке из органических материалов, обнаруженной в пазырыкском могильнике Ак-Алаха-3 на плоскогорье Укок [Феномен..., 2000, с. 57–119; Полосьмак, 2001, с. 143–160]. В длинном коническом окончании тлена была длинная бронзовая шпилька с круглым деревянным резным навершием, подобная той, что находилась около сосудов. Такие шпильки являются одним из типичных элементов пазырыкских головных украшений. Они были найдены в кург. 9 могильника Юстыд XIII [Кубарев, 1991, с. 111; табл. LXII, 5]. В лобной части головного убора находился массивный бронзовый триквестр, покрытый золотой фольгой, с изображением головы ушастого грифона (см. рис. 2, 1). Он крепился к длинному железному стержню, перпендикулярному бронзовой шпильке. Затылочная часть головного убора была укра-

шена небольшими фрагментами оловянистой фольги, сохранилось шесть пластинок. Выше лицевых костей погребенной находились остатки жертвенной пищи, представленные частью позвоночного столба барана. Рядом располагался железный пластинчатый нож.

Скелет 3 находился около западного края могилы. В изголовье обнаружены остатки сложного головного убора в виде мощного сажного следа конических очертаний (они не перекрывали кости черепа). Напротив лицевых костей располагались остатки жертвенной пищи – ребра, несколько позвонков и тазовые кости барана. Рядом лежал железный нож с кольчатым окончанием. В области груди и пояса погребенной прослеживался тлен от костяных пластин шириной ок. 3 см, длиной до 10 см. В районе талии сохранились три фрагмента оловянной фольги. Между коленными чашками находились пять роговых наконечников стрел. Один из них имел «шевронобразную» метку на боковой грани.

В кург. 9 могильника Чултуков Лог-1 около черепа погребенной остался сажный след, скорее всего, от парика. В изголовье располагалась бронзовая шпилька (9×0,3 см) с резным ободком в верхней части (см. рис. 2, 9), чуть левее – железная. Возле сажного следа найдено изделие из железа. Напротив лицевых костей погребенной находился кувшиновидный сосуд с двумя наклепными ручками и отверстиями. С левой стороны напротив шейного отдела погребенной лежал железный нож и несомкнутая кольчатая серьга из белого золота. Справа от тазовых костей под слоем суглинка обнаружено бронзовое зеркало, изначально находившееся в меховом чехле. Окись бронзы сохранила остатки волосков, ориентированных вдоль длинной оси предмета. Петлевидная ручка зеркала имела подтрапещевидную форму.

В кург. 12 могильника Чултуков Лог-1 над черепом погребенной, под углом к нему и друг к другу, располагались бронзовая и железная заколки длиной 10 см с дисковидным бронзовым окончанием. Около них прослеживалась черная краска от парика. Напротив лицевых костей погребенной лежали позвонки барана. Вдоль края нижней челюсти обнаружены фрагменты белого бисера. Очевидно, это была обшивка ворота одежды. В районе грудного отдела располагались бусины плохой сохранности фиолетового, красного, зеленого и синего цветов. За теменными костями находился небольшой фрагмент железа. Под черепом обнаружены отдельные части серебряной петельчатой серьги. Между костями голени погребенной сохранился темный тлен, вероятно, от войлочной подстилки. В ногах лежал бронзовый нож.

В кург. 37 могильника Чултуков Лог-1 напротив костей правой руки погребенной выявлен тлен рыжеватого цвета (28×20 см). Возможно, это остатки деревянного разделочного блюда. Напротив лицевых костей находились кости курдючной части барана и бронзовый пластинчатый нож с отверстием в обуш-

ке. В изголовье располагалась железная стержневидная заколка с округлым навершием (размеры стержня 13×0,5 см, диаметр навершия 2,2 см). В районе шеи найдены шесть бусин. Некоторые из них из горного хрусталя, как и бусины из кург. 2 могильника Чултуков Лог-1. На черепе обнаружены кольчатые серьги из цветного металла (серебро или электрум) с припаянными петельками, в одной из которых было подвешено бронзовое колечко в полтора оборота. На правой коленной чашке под фрагментом продольного перекрытия лежало бронзовое дисковидное зеркало диаметром 7 см. По краям выступа располагались два небольших округлых отверстия, в центральной части – еще два овальных. Аналогичное зеркало известно в Каракольском кургане, раскопанном С.В. Киселевым [Руденко, 1960, с. 16, рис. 5]. Зеркала с двумя отверстиями на крае обнаружены среди сопроводительного инвентаря на могильниках Малталу IV (кург. 8) [Кубарев, 1992, с. 195, табл. XLVIII, 7], Юстыд XII (кург. 13) [Кубарев, 1991, табл. XXXIV, 4], Тыткескен VI (кург. 27) [Кирюшин, Степанова, 1999].

В погр. 46 могильника Чултуков Лог-1 над черепом погребенной находилось вытянутое сажное пятно значительного размера, мощностью 2,5–3 см. Скорее всего, это остатки парика из органического материала с красителем. На сажном пятне под углом друг к другу располагались металлические заколки. Одна из них – в виде бронзовой шпильки (14×0,3 см) с органическим тленом на конце, вероятно, от округлого деревянного навершия. Рядом лежал массивный бронзовый триквестр диаметром 2 см, покрытый золотой фольгой и имевший железный стержень длиной 12 см. Ниже левых височных костей найдены петельчатая серьга и бронзовая подвеска. Такая же подвеска обнаружена с другой стороны под черепом. Справа от черепа находился неорнаментированный керамический сосуд. Чуть ниже лежали кости нижнего отдела позвоночника барана и бронзовый нож, располагавшийся острием в противоположную сторону от лицевых костей погребенной. У правой бедренной кости обнаружено бронзовое зеркало, изначально находившееся в многослойном чехле из дерева, бересты и кожи.

В кург. 47 могильника Чултуков Лог-1 в могиле с деревянной обкладкой из березовых жердей найдены четыре скелета. Погребенные были уложены в ряд, в скорченном положении на правом боку, головой на юго-восток. Скелет 1 принадлежал взрослой женщине. Над черепом зафиксировано сажное пятно, видимо, от парика, а над ним, в верхнем правом углу могилы – еще два. В сажном пятне найден триквестр с рельефной бронзовой шляпкой диаметром 2,5 см и железным стержнем длиной 12 см. В районе тазовых костей лежало бронзовое зеркало с петлевидной ручкой. Скелет 2 принадлежал ребенку, погребенному с вытянутыми вдоль туловища чуть согнутыми в локтях руками и

чуть согнутыми в коленях ногами. На шейном отделе позвоночника и под черепом найдены две бронзовые серьги с бусинами в петле. В районе голени погребенного лежали кости жертвенного барана и два железных пластинчатых ножа. Скелет 3 принадлежал подростку, погребенному с вытянутыми вдоль туловища руками и согнутыми в коленях ногами. В изголовье выявлены следы от оловянной или серебряной диадемы. Под нижней челюстью располагалась петельчатая серьга из белого металла. Над черепом лежали кости жертвенного барана и железный нож с кольчатым окончанием. Скелет 4 принадлежал младенцу. Сохранились только позвоночник, ребра и череп. В изголовье располагались два сосуда: керамический с накольчатым орнаментом по венчику и плохо обожженный крынковидный.

Все триквестры были обнаружены в женских погребениях второй половины I тыс. до н.э., в одиночных, парных и коллективных захоронениях. Чаще всего эти находки сопровождалась остатками сложных головных уборов-париков темно-сажистого цвета.

Изображения на триквестрах

В орнаментации триквестров представлены орнитоморфные, зооморфные, солярные и растительные мотивы (см. рис. 2). Среди изображений присутствуют практически все образы скифо-сибирской изобразительной традиции (зооморфные: копытные – бараны, хищные – волки; орнитоморфные – орлы и грифоны). Их семантика достаточно разнообразна.

Изображения голов баранов (Майма IV) или целого животного (Покровский Лог-5) вполне могут быть отражением фарна – символа удачи эпохи ранних кочевников [Бородовский, 2004]. Они являются одним из устойчивых мотивов скифо-сибирской изобразительной традиции. При этом зооморфный декор на триквестрах из Маймы IV и Покровского Лога-5 (см. рис. 2, 3, 7) находит очень близкие параллели в художественной резьбе по дереву носителей пазырыкской культуры [Кубарев, 1992, табл. XXIII, 8, 9] и зооморфных кольцевых композициях из Ордоса [Богданов, 2006, с. 138, табл. XXIII, 1].

Хищники, изображенные на изделии из Барангола-1 (см. рис. 2, 4), обнаруживают наибольшее сходство с образом волка, также широко распространенным в искусстве ранних кочевников Центральной Азии [Кубарев, Черемисин, 1987, с. 110–112]. Изображение трех грифонов с распростертыми крыльями (см. рис. 2, 2) представляет собой тиражирование наиболее типичного пазырыкского образа. Наряду с этим сама композиция имеет интересные параллели в ведических гимнах (Ахтарваеда), посвященных смерти. В них упоминаются три орла, восседающие на вершине верхнего небосвода, наполненного амритой –

напитком бессмертия, приготовляемым из растения сомы [Бородовский, 2003, с. 7]. Композиционно изображения баранов, хищников, грифонов близки к декору полусферических конусовидных блюх Центральной Азии [Богданов, 2006, с. 139, табл. XXIV, 1, 4].

У древнего населения Центральной и Северной Европы триквестр был одним из символов движения Солнца, олицетворяя основные положения светила на восходе, в зените и на закате. Солярный орнамент на украшениях с нижней Катунь имеет разную ориентацию: на одних – правостороннюю (см. рис. 2, 5, 8), на других – левостороннюю (см. рис. 2, 1). Это может соотноситься с движением солнца на небосклоне. С особенностями ориентации солярного декора связаны различные образы, что позволяет коснуться некоторых вопросов семантики этих композиций. Сочетание изображения ушастого грифона с направлением, обратным естественному движению солнца (Барангол-2; см. рис. 2, 1), может соотноситься с хтоническими образами, символом которых был мрак.

Триквестр из Чултукова Лога-1 с солярным декором «по солнцу» имеет на некоторых лучах ряды округлых выступов (см. рис. 2, 8; 3, 4). Таким элементом в скифо-сибирской изобразительной традиции воспроизводились возрастные валики рогов сибирского козла (теке, бун) [Бородовский, 2004, с. 138, рис. 3]. На золотом покрытии деревянного изделия из Юстыда XII [Кубарев, 1991, табл. XXI, 6] этот орнамент имеет еще большее сходство с козлиным рогом. Образ горного козла у индоевропейских народов являлся воплощением чистоты [Йетмар, 1986, с. 227] и светлого начала.

Не менее любопытны растительные орнаменты в виде розетки на триквестрах Черного Ануя-3 и Маймы XIX (см. рис. 2, 10, 11). Аналогичный декор представлен на золотой объемной сережке из окрестностей Новоалтайска [Дашковский, 1998, с. 131, 132, рис. 1, 2]. Изображение розетки широко распространено на деревянных изделиях из Туэктинских и Пазырыкских курганов [Руденко, 1960, с. 254, рис. 130, а, в, д, е]. Растительный орнамент на триквестре из Верх-Еланды-2 (см. рис. 2, 12) характерен для ранних пазырыкских погребальных комплексов Центрального и Южного Алтая (Туэктинские курганы, Ак-Алаха-3) [Киришин, Степанова, 2004, с. 88].

В целом декор триквестров Северного Алтая отражает все многообразие образов скифо-сибирской изобразительной традиции.

Заключение

Судя по датировке неразграбленных погребальных комплексов Тувы, в составе которых обнаружены триквестры, они были распространены на всем протяжении периода существования саглынской культуры (V–III вв. до н.э.) [Грач, 1980, с. 36]. Не менее показательно время бытования триквестров как части сопроводительного погребального инвентаря из непо потревоженных захоронений северного локального варианта пазырыкской археологической культуры нижней Катунь. Поскольку эти предметы биметаллические (бронзовое навершие и железный стержень), они вполне могут рассматриваться как датирующие. Период бытования таких изделий скифского времени не выходит за пределы середины I тыс. до н.э. Наряду с триквестрами в захоронениях Чултукова Лога-1, относящихся к северному локально-

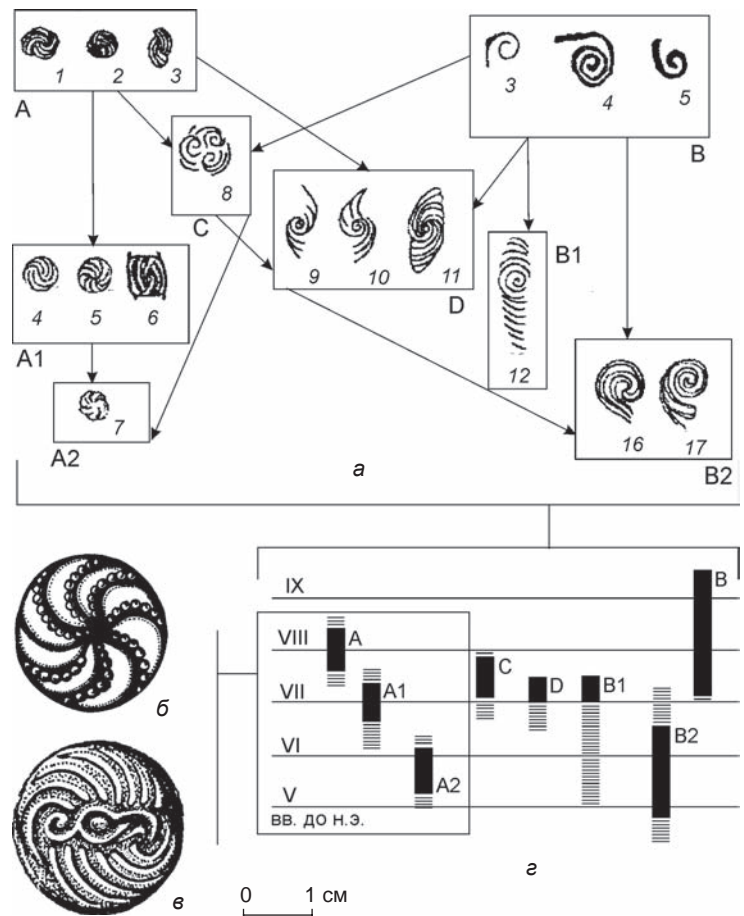

Рис. 4. Датировка декора триквестров из курганных групп Чултуков Лога-1 и Барангол-2.

а – трансформация солярного орнаментального мотива (1–3 – Уйгарак, кург. 47; 4 – Новый Кумак, кург. 6; 5 – Хемчик-Бом III, кург. 1, 2; 6 – Вакулихинский «клад»; 7 – Пятимары I, кург. 8; 8 – Тасмола V, кург. 3; 9 – Аржан-2, мог. 5; 10 – Аржан-2, мог. 5; 11 – Yanqhai (Shanshan); 12 – Аржан-2, 16 – Минусинская котловина; 17 – Куйлуг-Хем-1, кург. 22) [Смирнов, 2004, с. 428, рис. 1]; б – триквестр из Чултукова Лога-1; в – триквестр из Барангола-4; г – хронологическое соотношение трансформации солярного орнамента [Смирнов, 2004, с. 430, рис. 2].

му варианту пазырыкской археологической культуры, известны биметаллические акинаки (кург. 36) и зеркала (кург. 9), которые также бытовали не позднее середины I тыс. до н.э. Такой датировке не противоречит хронология солярного декора на триквестрах (рис. 4, з) и раннепазырыкских растительных орнаментов. Все это свидетельствует о достаточно раннем появлении носителей пазырыкской культуры на нижней Катунь. Очевидно, что они достаточно быстро освоили всю территорию Горного Алтая.

Кроме головных украшений, в Южной Сибири рисунки, соответствующие изображениям на триквестрах, были выделены в петроглифах [Девлет, 1988, с. 82, 83]. Их семантика, по мнению М.А. Девлет, заключалась в идее круговорота жизни. Различные варианты солярного орнамента символизируют миры живых и мертвых. Важную роль в этих композициях играют орнитоморфные и зооморфные образы – медиаторы между Верхним и Средним мирами. Сходство триквестров Горного Алтая и Тувы [Чугунов, 2001, с. 173–178] свидетельствует не только об активных контактах или общем происхождении саглынского и пазырыкского населения эпохи раннего железа, но и о древнем бытовании одного из специфичных и сакральных символов в Южно-Сибирском регионе, наряду с Центральной и Северной Европой.

Локализация триквестров исключительно на Северном Алтае позволяет рассматривать их в качестве одной из этнотерриториальных особенностей предметного комплекса носителей северного локального варианта пазырыкской археологической культуры.

Список литературы

- Абдулганеев М.Т.** Курганы скифского времени могильника Суртайка-1 // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – С. 42–47.
- Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., Киреев С.М.** Археологические памятники и объекты Майминского района. – Горно-Алтайск: [Б.и.], 2008. – 144 с.
- Богданов Е.С.** Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 240 с.
- Бородовский А.П.** Скифские модницы с нижней Катунь // Наука в Сибири. – 2003. – № 34/35 (2420/2421). – С. 7.
- Бородовский А.П.** Фарн скифского времени в Сибири и особенности изображения рога // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4 (20). – С. 135–140.
- Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., Волков П.В., Маркин С.В., Нохрина Т.И., Постнов А.В., Шуньков М.В.** Археологические экскурсии по памятникам Горного Алтая: путеводитель. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. ун-та, 2008. – 112 с.
- Бурыкина Е.Л.** Женские украшения из могильника Майма IV в Горном Алтае // Археологические исследования в Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1989. – С. 68–69.
- Гельмель Ю.И., Демин М.А., Шульга Н.Ф., Шульга П.И.** О ходе работ по созданию Сентелекского археологического заповедника // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. – С. 109–114.
- Грач А.Д.** Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
- Дашковский П.К.** Материалы эпохи бронзы и раннего железа из Новоалтайского музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. – С. 130–133.
- Девлет М.А.** Круговорот жизни в представлениях древних // Природа. – 1988. – № 4. – С. 82–83.
- Йетмар К.** Религия Гиндукуша. – М.: Наука, 1986. – 310 с.
- Киреев С.М.** Спасательные работы на могильнике Майма IV // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск: [Б.и.], 1994. – С. 39–43.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф.** Заколки из захоронений скифского времени горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – С. 386–390.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф.** Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – Ч. 3: Погребальные комплексы скифского времени средней Катунь. – 292 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А.** Скифская эпоха горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. – 232 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 304 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 188 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Наука, 1992. – 220 с.
- Кубарев В.Д., Черемисин В.Д.** Волк в искусстве и верованиях кочевников Центральной Азии // Традиционные верования и быт народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 98–117.
- Молодин В.И., Бородовский А.П.** Археологические памятники эпохи раннего железа в верховьях Ануя // Гуманитарные науки в Сибири. – 1994. – № 3. – С. 19–28.
- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.: ил.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 410 с.
- Смирнов Н.Ю.** Орнаментализация идей (к вопросу об орнаментальных мотивах эпохи ранних кочевников Саяно-Алтая) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – С. 426–432.
- Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева и др.** – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 320 с.
- Чугунов К.В.** Локально-хронологические особенности Тувы в середине I тыс. до н.э. // Евразия сквозь века. – СПб.: Изд-во филол. фак-та СПб. гос. ун-та, 2001. – С. 173–178.